

образных рекламных образов и сюжетов и тем самым способствует его закреплению в массовом сознании. «Натурализация» брендового концепта становится возможной именно в среде мультимедийной рекламы, где «гиперреальность образа абсорбирует реальность», заслоняет ее, представляя «миф» как «факт» [см.: Бодрийяр, 1992, 65—69].

Итак, специфическим отличием бренда от других форм товарного обозначения, существовавших в истории, является именно механизм мифологизации. Исходя из этого, бренду как социокультурному феномену можно дать следующее определение: бренд — это миф, формируемый в массовом сознании путем мифологизации торговой марки товара средствами рекламного воздействия.

Аткин Д. Культ брендов: как сделать покупателя единомышленником. М., 2005.

Барт Р. Мифологии. М., 2000.

Бодрийяр Ж. Злой демон образов // Искусство кино. 1992. № 10.

Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1995.

Винсент Л. Легендарные бренды: раскрытые мифы, в которые поверил весь мир. М., 2004.

Кляйн Н. NO LOGO: Люди против брендов. М., 2003.

Крылов И. Маркетинг. М., 1998.

Марк М., Пирсон К. Герой и бунтарь: Создание брендов с помощью архетипов. СПб., 2005.

Прингл Х., Томпсон М. Энергия торговой марки. СПб., 2001.

Ульяновский А. Мифодизайн: коммерческие и социальные мифы. СПб., 2005.

Н. Б. Кириллова

МНОГООБРАЗИЕ КУЛЬТУР В ГЛОБАЛЬНОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Термины «глобализм» и «глобализация» за последние 10—15 лет стали широко употребляемыми в самых разных научных исследованиях. Однако существо этого понятия и обозначаемого им явления отнюдь не стало яснее. По поводу сущности глобализации высказываются порой взаимоисключающие суждения, чему и способствует также излишняя, а иногда и откровенно идеологизированная и политизированная интерпретация этого феномена. Наконец, нередко термин «глобализация» употребляется всуе, лишь для того, чтобы с его помощью придать большую весомость и актуальность обсуждаемой проблеме, хотя при этом гипотетические связи последней с данным феноменом фактически остаются за рамками обсуждения [Культурное разнообразие..., 2003, 36].

Особую область исследований в сфере глобализации составляют так называемые *culture studies*, в рамках которых исследователи из многих стран пытаются

рассматривать современное состояние культуры в связи с глобализационными процессами, а некоторые из них предпринимают попытки предсказывать дальнейший ход развития культуры в условиях их интенсификации. Подобные исследования представляются необыкновенно перспективными и полезными, поскольку способны оказывать конкретную помощь тем организациям, которые так или иначе участвуют в разработке культурной политики, а также в осуществлении на практике различных программ, реализуемых в ее рамках. Естественно, что в ходе подобных исследований могут высказываться самого разного рода и характера суждения и прогнозы, каждый из которых, в случае его достаточной аргументированности, имеет право на существование и заслуживает внимания (см. работы З. Акопяна, О. Астафьевой, Г. Аванесовой, Т. Богатыревой, А. Гусейновой, В. Егорова, А. Камировой, Н. Кирилловой, И. Лисаковского, Э. Орловой, Дж. О'Коннор и др.).

Отдельными аспектами темы многообразия культур в глобальном медиапространстве являются вопросы «сохранения национальной идентичности в коммуникативном пространстве», «диалог культур» и «культурный плюрализм», «интерпретация культурного наследия», «риски и альтернативы будущего культуры», «возможность существования единой мировой культуры», «формирование современной модели культурной политики в России» и т. п.

Словом, тема культурного многообразия, культурного диалога и культурных связей в условиях глобализации сегодня широко обсуждается как на государственном, так и на общественно-политическом уровне, в научной сфере. Интересно взглянуть на эту проблему в контексте *модернизации*, если рассматривать ее как глобальный процесс становления информационного общества.

Сошлемся на анализ, проведенный Э. А. Орловой. По ее мнению, западноевропейские источники определили социокультурные коды в областях социальной организации, социально значимого знания, трансляции социокультурного опыта. Социетальная организация характеризуется специфичными трансформациями каждой из ее составляющих. В хозяйственной области совершается переход от индустриализма к постиндустриализму, в политической — от авторитарных и олигархических режимов к демократическим, в правовой области — от обычного к юридическому праву, от сословных привилегий к правам человека.

Что происходит сегодня на уровне *социально значимого знания*? У нас на глазах осуществляются многие существенные изменения. Так, религия утрачивает священный пафос и становится регулятором моральных отношений; в философии на смену монистической и детерминистской картина мира приходят имморалистичная и вероятностная; в искусстве приверженность единому стилю сменяется полистилистикой; в науке взгляд на теорию как на объективную и изоморфную представленность реальности меняется в направлении антропности и конструктивности процессов познания.

Соответственно меняется и структура трансляции социокультурного опыта. В образовании на смену доктринерству приходит обучение решению проблем, просвещение меняет энциклопедическую ориентацию на адап-

тационную, в средствах массовой коммуникации идеологическая доминанта сменяется фактографической [см.: Культурное разнообразие..., 2003, 20—26].

Эти процессы идут повсеместно, на глобальном уровне, одновременно порождая рост антиглобалистских настроений в мире в целом и в России в частности. Основные аргументы сторонников этой позиции связаны с акцентированием внимания на тех опасностях, которые несут с собой глобальные процессы. Общераспространенным стало мнение о том, что глобализация ведет к снижению степени многообразия культур, которое традиционно рассматривается как источник социокультурной эволюции. Кроме того, существует опасение унификации культур в связи с развитием «массовой культуры», основой формирования которой являются развлекательные коммерческие структуры, а главным каналом распространения — средства массовой коммуникации. Основная опасность усматривается в том, что благодаря этому из культуры уходят ее локально-специфичные, народные формы. Отсюда вывод: глобализация предполагает насильственную интеграцию социокультурных единиц разного масштаба в общую унифицирующую систему, мешающую культурной самобытности общества. В последнем случае обычно подчеркивается, что система массового производства/потребления существенным образом ограничивает разнообразие запросов и возможности выбора за счет их стандартизации.

В условиях социальной модернизации и становления реальной демократии в России нельзя не видеть противоречивости многих из приведенных аргументов.

Рассматривая рациональные возможности минимизации социальных конфликтов в условиях глобализации, а также решения вопроса о том, что при этом происходит с культурным многообразием, следует прежде всего преодолеть оценочный априоризм в трактовке объекта критики. Это сделать несложно, если задать вопрос: глобализация чего? Ясно, что ответ предполагает необходимость специального дифференцированного рассмотрения тех процессов, которые происходят в мировом масштабе. В этом случае очевидным становится ряд следующих обстоятельств.

Глобальные процессы не следует считать охватывающими все страны и регионы мира. Вот почему опасения в отношении уменьшения культурного многообразия как такового оказываются необоснованными. Более того, можно выделить целый ряд проблем, порождаемых ими сегодня в большинстве обществ, как развитых, так и развивающихся. Следует отметить в первую очередь множественность и разнокачественность событий, одновременно происходящих в мире, сообщения о которых транслируются средствами массовой информации. Такое разнообразие оказывается недоступным для индивидуального фиксирования и упорядочения. Соответственно в массовом масштабе современная социокультурная ситуация характеризуется высокой степенью неопределенности. Уже стало общим местом утверждение о том, что многообразие культур и субкультур, в том числе профессиональных и политических, этнических и художественных, вызывает затруднения в межкультурных коммуникациях. Причем обнаруживаются они отнюдь не только в области международных отношений, но и в структуре взаимодействия

в одном и том же обществе. В данном случае можно говорить о том, что нарастание многообразия порождает кризис культурной идентичности.

Следует также подчеркнуть, что кризис такого рода усиливает значимость противопоставления «мы» — «они», а это, в свою очередь, обостряет напряженность в отношениях между представителями разных культур и субкультур. Наконец, значимым проблемообразующим фактором в сложных и динамичных современных условиях является распространенное в разных сообществах акцентирование собственной культурной самобытности. Это существенным образом затрудняет освоение полезных для них инноваций, появившихся в других культурах. Соответственно для них зона неосвоенных культурных феноменов со временем увеличивается.

По-видимому, источник современных проблем мирового масштаба находится отнюдь не в том, что глобальные процессы унифицируют социокультурную жизнь, снижая меру ее адаптационно необходимого разнообразия. Скорее, их следует связывать с низкой степенью освоенности изменений, происходящих в современном мире, и с уровнем организации связей людей с окружением, не соответствующим его состоянию. В такой ситуации правомерно говорить о необходимости примирения распространяющихся глобальных процессов, с одной стороны, и локалистских, сепаратистских устремлений — с другой, унификации одних культурных характеристик и диверсификации других. Решение такого рода проблем предполагает необходимость рационально организованной, целенаправленной деятельности, которую следует осуществлять в рамках социокультурной политики.

Используя мультимедийные средства (видео, компьютер, Интернет, DVD- и CD-Rom'ы), уместно говорить о диалоге культур, если только не сводить это понятие, по словам И. Лисаковского, «к обычному знакомству или соседской притирке» разных культур. А само развитие мирового социокультурного пространства только и возможно при достаточной распространенности в медиасреде разных этнических и художественных культур, отношения которых друг с другом остаются преимущественно отчужденными из-за разительного несходства национальных образных систем, организации характера творчества, цифрового неравенства обществ и, наконец, языкового барьера.

Свою «особость» в данном аспекте весьма решительно демонстрирует транснациональная, постмодернистская в своей основе культура. Она, как правило, противостоит классическим и народным образцам своей образностью, формами и смыслами независимо от того, идет ли речь о массовой или элитарной культуре или широко понимаемом «новом» («актуальном») искусстве любых видов и жанров. Отношения между «классикой» и «постклассикой» сравнимы с отношениями индустриальных и постиндустриальных типов культур. Нелишне напомнить, что эти тенденции культуры «наднациональны» и адресованы разным категориям потребителей во всем мире.

Важно понимать, что появление на исторической арене новых мегамасштабных культурных миров отнюдь не означает радикального вытеснения предыдущих. Каждый из них занимает свой сектор на общем культурном поле (разумеет-

ся, подчас решительно перераспределяя территории и аудитории). Они приходят в неизбежное соприкосновение, встраиваются, точнее, наслаиваются в некоторой системе, нередко дополняя и оттеняя достоинства друг друга. Соседство этих автономных творческих «космосов», известным образом взаимодействующих в рамках отдельных сообществ, обычно обогащает последние и дает наиболее полное представление о духовной жизни того или иного народа.

В сложную систему интеграционных связей и отношений в сфере экономики, политики, информационных технологий, коммуникаций и т. д., составляющих сущность глобализационных процессов, включаются культурные механизмы, поддерживающие динамическое равновесие между разнообразием и гомогенностью мира.

В этой связи нельзя не видеть тех преимуществ социокультурного развития, которые связаны с интеграционными тенденциями. Хотя нельзя в то же время игнорировать противоречивую природу современного глобализационного процесса. Анализируя эти противоречия, О. Астафьева, в частности, констатирует: «Изменения, имеющие интеграционную доминанту, сопровождаются процессами дифференциации, размываются политикой культурного плюрализма: налицо ситуация одновременного проявления факторов унификации и признаков обостряющейся борьбы за сохранение этнокультурного разнообразия. Но этнический фактор чаще всего рассматривается не как самостоятельный, а привлекается в поддержку других форм самобытности (религиозной, национальной, территориальной), то есть не рассматривается как ведущий фактор устремленного в будущее развития. Соответственно в нарастании конфликта сторонников и противников интеграционного процесса этнокультурный фактор не всегда выступает в качестве одного из ведущих. А ведь это весьма мощный инструмент социокультурных изменений, и от его правильного использования во многом зависит будущее человечества. В последнее время в средствах массовой информации наметилась тенденция транснациональных измерений социокультурной реальности как показателя цивилизационного уровня. Это в значительной степени “затушевывает” проблемы уникальности культурно-смыслового пространства и экзистенциального мира человека, смещая их на второй план. Такое положение дел не может не вызывать определенной тревоги» [Культурное разнообразие..., 2003, 46—47].

Поэтому трансформация системы информационно-коммуникативных отношений в мире касается всех без исключения стран — и «развитых», и «развивающихся».

Образование глобального культурного пространства, динамичного и свободно трансформирующегося, свидетельствует о том, что взаимосвязанность мира проявляется в самых разных масштабах. У современного человека, существующего в плюралистической культуре, формируются определенные социальные стереотипы, ибо каждый получает примерно один и тот же набор информации через телевидение, компьютерные каналы, Интернет и другие средства массовой коммуникации.

И можно согласиться с О. Астафьевой, что в громадных империях средств массовой коммуникации озабочены негативным «имиджем» мировой индуст-

рии культуры как исключительно развлекательной и ангажированной. О поиске новых форм и каналов распространения «иных» ценностей, благодаря которым поддерживался бы миф об огромном разнообразии индивидуального выбора и индивидуального выражения в глобализирующемся мире, свидетельствует тот факт, что посредством сетевых инфраструктур начинает активно развиваться индустрия этнонациональных культур, трансформирующих и на первый взгляд удачно диверсифицирующих культурные потоки. Однако если двигаться в этом направлении, то вряд ли удастся сохранить этническую культуру, ибо основу такого типа культуры составляют псевдонародные образцы. Подлинная этническая культура нуждается в сохранении своего «месторазвития» и, конечно, в носителях, создающих и передающих ее в процессе социализации новым представителям этноса, которые не должны постигать ее только через систему информационно-технических «посредников», зачастую уродливо трансформирующих образцы этнонациональной культуры в «сувенир». Этническая же культура живет по законам самовоспроизводства на собственной ценностной основе. Означает ли это, что она обладает «музейным» статусом и должна воспроизводиться исключительно «по образу и подобию», вне учета социокультурного контекста? Возможно ли это в современном информационно-коммуникативном пространстве?

Действительно, подлинная этническая культура «задыхается» во все более коммерциализирующемся пространстве глобальной культуры. Но если это действительно так, то можно ли считать подобное положение дел катастрофическим и что из этого следует?

Для того чтобы дать объективную оценку ситуации, необходимо выявить возникающие в этой связи проблемы, используя механизмы культурной политики. К этому призывает и Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии, видя в сохранении этнических культур одно из важных условий выживания человечества. Идея сохранения культурной самобытности — это свидетельство отказа от активной экспансии чужих ценностей, образа и стиля жизни и приглашение всех стран к диалогу.

Исследователи выделяют множество типов проявления самобытности в современном мире. Это самобытность в условиях открытости, которая связана со снятием жестких границ при осуществлении коммуникаций, приводящих к смягчению логики взаимоисключений и созданию условий для сосуществования разных этносов и культур в глобализирующемся мире. Носители этнической культуры этого типа открываются навстречу контактам с другими культурами, тем самым создавая атмосферу «предуготовленности» к диалогу. Иные цели преследуются носителями самобытности как формы закрытости: защита своего природного и социокультурного пространства, противопоставление «своих» ценностей «чужим», которые распространяются по разным каналам. Наиболее перспективной видится самобытность, устремленная в будущее (*project identity*), создающая основы для формирования гражданского общества и проведения политики культурного плюрализма [см.: Кастельс, 1990, 301].

В этой связи опять-таки напрашивается вопрос: корректно ли в ситуации открытости говорить о достаточности, доступности, достоверности информации, поступающей через разные каналы? Может ли культурная политика в глобализирующемся мире выступать если не «фильтром», то регулятором информационно-коммуникативных процессов в современном мире? Насколько это вообще возможно в сетевом саморазвивающемся пространстве? Теоретически — допустимо, на практике — очень сложно.

Социокультурная реальность глобализирующегося мира снижает шансы формирования этнокультурной идентичности как субъективно устанавливаемой, причем и для тех, кто живет в своей родной среде, и для тех, кто существует за ее пределами. Дело в том, что понимание окружающего мира приходит к детям из информационного пространства — телевидения, кинематографа, компьютерной сети и т. д. Они видят себя рядом с «другим», который не всегда является реальным человеком их сообщества: с детского возраста перед ними аудиовизуальный образ «другого». С этим «другим», смотрящим на ребенка с экрана компьютерного монитора или телевизора и ведущим себя иначе, чем окружающие его люди, выстраиваются определенные модели понимания мира, образцы поведения и т. д. В условиях глобализации выстраивание новой идентичности как смысловой основы существования личности в неустойчивом мире, пытающейся преодолеть раскол между универсальным инструментализмом и исторически укорененными партикуляристскими идентичностями, приводит к биполярной оппозиции между Сетью и «я» (личностью).

Формируется новое компьютерное поколение — поколение, имеющее новые идентификационные параметры и принимающее физическую и искусственную (виртуальную) реальность как равные реальности. Нельзя сказать, что ранее не возникало проблемы упорядочения, сопоставления реальностей; мифологическое и религиозное сознание, миры традиционных культур органично включались в жизненный мир человека, но при этом этнокультурная доминанта выступала ядром, попадая в притяжение которого, они складывались в определенную целостность.

Словом, современный человек должен так научиться отбирать необходимые элементы из других культур, чтобы это не мешало его персональной и этнокультурной идентичности.

Поэтому, говоря о социокультурной неоднородности этносов, нельзя не отметить проявление разных типов идентификационных моделей. Например, две наиболее распространенные в глобализирующемся мире модели — это 1) усложненная этнонациональная идентификация и 2) маргинализация как растворение этнокультурной идентичности. Обе модели сегодня уже имеют место в разных этносах. Так как они выступают следствием адаптации к ситуации открытости и инновационной активности определенных представителей этноса и общности в целом, то в первом случае сложность не должна превышать допустимые пределы, а во втором — упрощение не должно приводить к деструкции, декультурации и маргинальности. «Этнокультурная маргинализация харак-

теризуется утратой человеком связи со своей культурой, его готовностью вписаться в любой контекст независимо от стиля, а техницизм, проявляемый при этом человеком, свидетельствует о поверхностном освоении социокультурного пространства. Это не способствует укреплению и личностной идентичности» [Культурное разнообразие..., 2003, 51—52].

Нивелирование системы ценностей, норм поведения, стилей, образа жизни также свидетельствует о маргинализации как показателе кризиса идентичности. Он проявляется в потере корней, в забвении одного из архетипов коллективного бессознательного души современного человека — европейского символического ряда, на что указывал К. Юнг [1991].

В условиях глобализации для понимания и диалога разных культур, быть может, необходима и духовная модернизация, выработка новой системы ценностей для достижения цивилизационного синтеза при сохранении культурного плюрализма. По крайней мере, это выход за пределы стереотипов и догм «закрытых» культур, преодоление «мертвых традиций», во многом мешающих различным странам и народам справиться с такими глобальными проблемами, как нищета и голод, неграмотность и низкий уровень здравоохранения.

Ди а л о г — это способ организации совместной жизни людей на нашей планете, ибо диалогичность есть спектр разных форм соприкосновения, взаимодействия, сопряжения в настоящем прошлого и будущего, что свойственно всем переходным периодам. Диалог, основанный на плюрализме и партнерстве, признании равенства культур, становится базовым принципом взаимодействия культур в глобализирующемся мире. Следование этому принципу — важная стратегическая задача, решение которой можно рассматривать как шаг на пути сохранения культурного многообразия, ибо история изобилует примерами подавления одной культуры другой, развития культурного изоляционизма, процессов ассимиляции и т. д. Однако сегодня проблема взаимодействия не может быть решена только на основе принятия принципа диалога, так как в условиях глобализации нелинейность и разноуровневость взаимодействий в огромном спектре межкультурных коммуникаций образует сложную модель полилога культур [см.: Buell, 1994].

По л и л о г к у л ь т у р в условиях глобализации — это не только взаимодействие по горизонтали, но и взаимодействие по вертикали (национальные и этнические культуры), сложные перекрестные связи и т. д. Образующаяся сложная сетевая информационно-коммуникативная система — это не диалог между двумя культурами, а взаимодействие по сетевому принципу множества разных культур. Именно полилог культур можно воспринимать как парадигмальную перспективу, преодолевающую ограниченность и уязвимость стратегии диалогической.

Изменение динамики культурных взаимодействий связано с формированием глобальных инфраструктур, способствующих проникновению сквозь национальные границы, развитию индустрии культур, дифференцирующих культурные потоки, и появлению транснациональных корпораций для изготовления, распределения и распространения культурных товаров и услуг. Ключевыми секторами, обеспечивающими плотность культурных связей, становятся массмедиа и туризм.

Новые информационно-коммуникативные системы расширяют возможности и сферу влияния на мир массовой и транснациональной культуры.

Из этого не следует делать ложного вывода, что взаимодействие культур в условиях глобализации направлено только на создание транснациональной культуры. Этот пласт глобальной культуры является коммерциализированным порождением массмедиа и образуется на «верхушках» локальных культур. По своим характеристикам он более всего приближается к такому явлению, как медиакультура, хотя некоторые исследователи, как мы отметили, склонны считать его новым феноменом — г л о б а л ь н о й к у л ь т у р о й . Она включает фрагменты региональных, национальных и локальных культур, которые функционируют на нескольких уровнях в качестве источников стандартизированной продукции, обобщенных человеческих ценностей и интересов, единообразного смыслового дискурса и т. д.

Таким образом, на процесс и результаты взаимодействия культур огромное влияние оказывает современная информационно-коммуникационная система (телевидение, радио, персональные компьютеры и компьютерные сети, спутниковое вещание, онлайн-овые линии и Интернет), которая становится основным каналом трансляции транснациональной культуры.

Важную роль информационно-коммуникационные системы играют и в сохранении этнических культур, представители которых по разным причинам проживают вне территории своей этнической родины, вне месторазвития их родной культуры. Представленность этнической культуры в них способствует удовлетворению потребностей многочисленных диаспор, развитию межкультурного взаимодействия.

В условиях глобализации, когда миграция приобретает небывалые масштабы, передача духовного наследия вне естественной среды ее порождения становится актуальной и сложной проблемой. В определенной степени потребность в языке как важном средстве идентификации восполняется через печатную продукцию, телевидение, видео, DVD и другие электронные носители информации. Избежать смешения и полной ассимиляции с иными культурами помогает функционирование этнической культуры в мировом информационном пространстве.

На расширение информационных потоков, репрезентирующих культуру в сетевом киберпространстве, указывают исследователи многих стран, подчеркивающие особую роль в этом процессе программ и проектов, таких как «Новые информационные технологии», «Электронные публикации, книги и архивы» и др., создания и поддержки специальных сайтов в Интернете, включения проблем выставления специализированных культурных сетей в задачи культурной политики. Развитие информационно-коммуникационного пространства рассматривается как дополнительный канал для сохранения и распространения культурного наследия, как стратегическая цель культурной политики разных сообществ [см.: Культурное многообразие..., 2000; Культурная политика..., 2002; и др.].

Во многом благодаря Интернету, компьютерным каналам, аудиовизуальной технике записи и воспроизведения символической информации удалось включить

в современный культурный контекст язык, ритуалы, традиции этнических культур, умирающих под натиском цивилизации.

Конечно, при этом возникает вопрос о точности «перевода», о специфике передачи особенностей этнического сознания, ментальности, духовного мира и т. д. И все же, несмотря на вопросы и проблемы, думается, что перспективы бытования этнической культуры в медиапространстве очевидны. И это мощный шаг вперед, особенно по сравнению с перспективой стандартизации, забвения и гибели культуры.

В России такого рода проблемы особенно актуальны в региональном срезе, прежде всего там, где ряд причин и в значительной степени территориальная изолированность способствовали сохранению практически в первозданном виде глубинных пластов самобытной народной культуры, которые сегодня воспринимаются не как нечто уходящее, а напротив — в аспекте духовного обновления, как проявление творческого потенциала личности, несут в себе актуальную социальную нагрузку. Вряд ли старая идентичность может быть критерием современности общества и обусловить появление соответствующих институтов, хотя не исключено, что разные компоненты, в том числе традиционные представления и образы, могут самостоятельно эволюционировать в соответствии с присущей им логикой и вносить свой вклад в неравномерное развитие структур в рамках общества, определять особенности саморазвития социума.

Перед лицом перемен в некоторых странах часто преувеличивают роль местных традиций и рассматривают альтернативные возможности развития культуры на основе радикальной автономии. Акцент, сделанный на себе, затрудняет и поиски нового, и ход транскультурных обменов, необходимых для творчества и критического осмысления глобального общества. Те регионы России, которые в большей степени ориентируются на замкнутость и самодостаточность, ложное понимание поддержки традиционной культуры как единственной меры сохранения своей локальной идентичности, имеют немного шансов для благополучного развития. Отсутствие выхода на мировой уровень, непредставленность национальной и региональной культур на глобальном рынке наносят ущерб развитию культурного многообразия. Взаимосвязь внешней политики с задачами внутреннего развития в таком случае весьма затруднена. В российской культуре в условиях социальных трансформаций принципиальное значение приобретает ориентация на будущее, предполагающая, что традиции прошлого реализуются без потерь на новой, инновационной основе. Столь же важно, чтобы все те, кто ответствен за состояние отечественной культуры, могли учитывать специфику переходного периода, создавая условия для саморазвития культурных процессов.

Buell F. National Culture and the New Global System. Baltimor; London, 1994.

Кастельс М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антол. / Под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999.

Культурное многообразие, конфликт и плюрализм. М., 2000.

Культурная политика в Европе: выбор стратегии и ориентиры: Сб. материалов. М., 2002.

Культурное разнообразие, развитие и глобализация: По результатам дискуссий «круглого стола» / Под ред. В. Егорова, К. Разлогова. М., 2003.

Юнг К. Г. Архетип и символ. М., 1991.

А. В. Клещина

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ПОНЯТИЯ «КУЛЬТУРА» В СОВРЕМЕННЫХ АМЕРИКАНСКИХ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В настоящее время проблемы межкультурной коммуникации необычайно важны как с практической, так и с теоретической точки зрения. Проблематика межкультурного взаимодействия уже давно перестала волновать умы одних ученых. В нашей повседневной реальности мы не столько анализируем теорию межкультурной коммуникации, сколько констатируем ее как обычную практику.

Интересующий нас культурологический взгляд на межкультурное общение еще не обрел своей окончательной формы в нашей стране, однако имеет по меньшей мере 50-летнюю историю исследований в США. Поэтому в рамках этой статьи мы обращаемся к американской школе межкультурных исследований. Тем самым мы опираемся на одну из наиболее разработанных, авторитетных и длительных научных традиций в данной области. Сформировавшаяся в американской школе методология оказала большое влияние и на европейскую школу: она легла в основу научного аппарата, базовых теоретических принципов, моделей, а также основанного на них практического инструментария. Теперь она постепенно распространяется и в России, задавая парадигму научных исследований.

Однако при всех ее преимуществах она все же не может быть принята безоговорочно, но должна стать предметом дискуссии. Обсуждая американскую методологию, мы постараемся показать свойственные ей противоречия, а также определенную непроясненность и непоследовательность теоретических оснований. Этот анализ проводится нами на примере центрального для межкультурных исследований понятия *культуры*.

В любой работе по межкультурной коммуникации культура прежде всего определяется как некая тотальность, общность, охватывающая всю полноту земного бытия человека. Во-первых, принято подчеркивать масштабность, всеохватность и предельную абстрактность понятия «культура»: «Вам уже, должно быть, стало ясно, что культура обладает вездесущей многомерной, запутанной и всепроникающей сущностью» [Intercultural Communication, 1999, 7]; «...Мы должны начать с признания того, что культуру отличает колоссальная широта, масштаб и объем. <...> Культура, во всем своем богатстве и сложности, огромна» [Мацумото, 2002, 27].